

Кармен Луна

Тадге

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Кармен Луна
ПАДРЕ

Дизайн обложки *Александры Губановой*

Луна, Кармен
Л84 Падре : [роман] / Кармен Луна – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 320 с. – (LAV. Темный роман).

ISBN 978-5-17-179712-86

Девушка

Я влюбилась в них обоих... в дьявольски красивого католического священника, который никогда не сможет быть со мной, которого я никогда не смогу любить открыто, и в странника в капюшоне, лица которого никогда не видела.

Я прошу его уйти и не преследовать меня, но он появляется снова и снова. Подбирается все ближе и ближе. И иногда мне до боли хочется, чтобы он дотронулся до меня... пусть даже лезвием ножа, которое сверкает в его руке.

Странник

Я никогда никого не любил. Женщины ни черта для меня не значили, пока я не увидел ее. И обезумел. Меня сорвало в бездну. Я стал способен на то, чего раньше никогда бы не сделал. Забрать ее любовь силой, отнять, выдрать, заставить полюбить меня, и плевать мне на весь мир!

Я никогда ее не отпущу! Она МОЯ! Но есть одна проклятая проблема: я надел на себя сутану — и, если я ее сниму, меня разоблачат и убьют.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-179712-6

© Кармен Луна, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Я родился в больнице Христа Спасителя у тридцатилетней проститутки Мерседес Лучиано, которая рожала раз в год, и ее дети постоянно умирали при родах, возможно, потому что она пила и курила всякую дрянь в немереных количествах. Я выжил. Каким чудом, не знаю. Наверное, из-за того, что маман Надин, владелица публичного дома, кормила меня козьим молоком. Тогда мать работала на нее и, пожалуй, это были лучшие времена как для нее, так и для меня.

С четырех лет я воровал. В основном в церкви. Мать водила меня на службу и, пока она делала вид, что молится, я обчищал карманы прихожан. Меня этому обучил ее любовник. И не только этому...

Мы вместе обворовывали квартиры. Я залезал в форточки, открывал ему двери, и он уносил все, что мог. Потом его или посадили, или пристрелили. Я не помню, а мать никогда не рассказывала. Мне не было до этого дела. Он мне не нравился. Мне не нравился никто из ее ебарей. Мог бы — я бы всем им выпустил кишки.

После дела Мерседес устраивала праздник. Она напивалась с дружками, а я, получив пару тумаков, голодный ложился спать. И я все-таки любил ее. Потому что ребенок не понимает, что такое плохая мать. Для него мать всегда святая и самая лучшая. В нем живет надежда, что однажды будет иначе: она бросит пить, начнет жить как все. Да, я просто любил ее. Надин выгнала Мерседес из борделя, когда мне было семь. Мать беспробудно пила, и клиенты отказывались ее трахать. Да и у кого встанет на скелет с обвисшей грудью и мешками под глазами, да еще и воняющий перегаром и потом. Мать не особо любила мыться и ухаживать за собой. Выгнали ее не только за это... она проворовалась. Обчистила сейф самой Надин и спустила деньги на водку.

Тогда мы и оказались на улице. Какое-то время жили в подворотнях, потом она нашла себе

собутыльника, и мы поселились в его каморке на третьем этаже старого дома в самом центре города.

Я ему на хер не был нужен, и меня отправили в семинарию для мальчиков при католическом монастыре. Иногда в моменты просветления мать приходила меня проведать. С горстью печенья или куском черствого хлеба, иногда с конфетой. Она плакала, говорила, что любит меня и скоро заберет домой. Мы оба знали, что это ложь. Но я всегда ждал ее прихода... С тоской смотрел, как все ниже она опускается. Как меняется ее лицо, какой худой и страшной она становится. Видел багровые кровоподтеки на ее щеке, лице. Когда-нибудь я найду ее сожителя и оторву ему руки.

Я бы хотел ее спасти. Я мечтал увезти ее куда-нибудь подальше и вылечить. Но прекрасно понимал, что мне, четырнадцатилетнему пацану из приюта, ни хрена не светит. Она надеялась, что я стану священником и замолю ее грехи перед Богом. Я же понимал, что далек от этого, хотя и знал молитвы и псалмы наизусть.

Мать перестала приходить, когда мне было пятнадцать. Я прождал ее полгода, потом сбегал из приюта вместе с Начо, моим другом —

низкорослым сицилийцем коренастого телосложения, с тяжелым подбородком и не менее тяжелыми кулаками, и при этом прекрасным оперным голосом, которым он пел псалмы.

Я нашел дом ублюдка, с которым жила Мерседес. Гребаный Педро. Обрюзгший, толстый тюфяк с помятой рожей, жидкими космами серых волос и длинным носом. От него несло перегаром, мочой и жареной селедкой. Меня тошнило от этого запаха. Он встретил меня с мерзкой улыбкой, обнажающей желтые, гнилые зубы.

— Ты кто?

Он явно меня не узнал.

— Сын Мерседес. Альберто.

На пьяном лице появилось подобие просветления.

— А, щенок подросток... Альберто... ты к кому? К своей шлюхе-мамаше? Так она сдохла от цирроза еще три месяца назад.

— Арчи, ты с кем там говоришь? — раздался пьяный женский голос.

Я сломал ему нос и выбил все гнилые зубы, а потом отрубил ему руки... Я еще помнил синяки на лице моей матери. Его сучка визжала как свинья, пока я калечил ее ублюдка. Начо мате-

рился, весь забрызганный их кровью. Мы швырнули руки Педро бродячим собакам.

Могилу матери я не нашел. Да и какая разница. Я не плакал. Я знал, что рано или поздно именно так и будет. А могила... Многие слишком большую ценность придают месту, где лежат кости. Главное — то, что трепыхается у вас в груди. Если там живет память, то не важно, кто и куда закопал останки. Можно каждый праздник тащить цветы на могилу и все остальное время забывать даже имя, а можно вспоминать каждый день и носить в душе даже запах родного человека. Я его помнил. Малоприятный. Но все же это был запах моей матери.

Той ночью я заявился к мадам Надин. Больше идти было некуда. Она меня узнала... Накормила, уложила спать. Какое-то время я там жил вместе с Начо. Под ее крылышком. Девочки любили меня. Называли Архангелом или Маленьким Иисусом. От природы мне досталась смазливая рожа. Бледно-голубые глаза, светлые волосы и правильные черты лица. Мы с Начо быстро освоились и стали вышибалами. Его кулак мог проломить череп с одного удара, а я обычно вгрызался в жертву и ломал ей кости до первых хрипов агонии. Мне нравилось видеть, как тварь

корчится от боли — тварь, которая ее несомненно заслужила.

С нашим появлением девочки зажили значительно лучше, потому что клиенты не хотели связываться со мной и Начо. Молодыми, борзыми, жестокими и очень наглыми хищниками, готовыми рвать за свое теплое место. Надин нам щедро платила... А девочки нас бадовали.

— Моника, ты посмотри на этого херувимчика. Он же настолько красив, что плакать хочется. Эти глаза, ресницы, а эти волосы... Женщины будут сходить по нему с ума. Такие выдирают сердца с мясом.

— Не распускай слюни, Санта, Надин с тебя за него шкуру спустит. Трахни Начо.

— Начо... Начо. Начо орангутанг. У меня таких клиентов вагон и маленькая тележка. А Аль... Аль божественен.

— Вот Надин сейчас услышит, она тебе язык оторвет. Аль дьявол... не заблуждайся насчет него. Я до сих пор помню оторванное ухо Риччи.

— Ангел наказывает грешников! Разве это неправильно?

— А ты хочешь этого ангела трахнуть!

Девственником я был недолго. Моей первой женщиной стала Санта. Я ей нравился,

а она нравилась мне. А еще больше мне нравилось ее трахать. У нее была фигура «песочные часы». Большая грудь, шикарная задница и тонкая талия. Она научила меня всему, что только можно было узнать мужчине. Я изучил женское тело досконально. Я знал, что с ним делать, как делать, что говорить, как довести до оргазма одними словами. Как ласкать, где гладить, как лизать и посасывать. Грязно и мощно долбиться или мучительно долго изматывать. Как войти в любое отверстие в женском теле и качественно его отыметь, а главное, как сделать так, чтоб его не просто дали, а умоляли взять. Природа была щедра ко мне. Во всем. Как говорится, где-то дают, а где-то забирают. У меня не было детства, не было любви, ласки, денег, но у меня были длинные золотистые волосы, большие грустные глаза, чувственный рот и ухоженная щетина, которая сводила женщин с ума. Я занимался спортом. Пару раз в неделю мы с Начо ходили на тренировки. Внутри меня жил злой и вечно голодный до боли дьявол. Я не просто бил. Я бил, чтобы только покалечить. Не убить... Нет. Зачем. Если можно превратить жертву в ненужный кусок мяса. Я сильно себя ненавидел, считая никчемным дерьмом.

Сын шлюхи, вор, убийца, который живет одним днем. Мне не хотелось, чтобы смотрели на мою рожу, я хотел, чтоб кто-то видел мою душу. Хотя какая там на хер душа. Уродливая и гнилая.

Было время, я пытался найти своего отца, но Надин заверила меня, что это глупая затея, наверняка им был кто-то из клиентов, кто за отдельную плату трахнул мою мать без резинки.

Но маман часто удивлялась: «Откуда такие природные данные? Если бы сюда пришел греческий бог с золотыми волосами и небесно-голубыми глазами, я бы запомнила».

Но она не запомнила, а я какое-то время просматривал ее книгу со списком клиентов и посещений, искал совпадение по датам, даже нашел кандидатов, но ни один из них не подошел. Тогда я бросил эту затею. Насрать, кем был мой папаша. Это уже не имеет никакого значения.

«Аль... женщина любит ушами. Трахни ее мозг, и она раздвинет перед тобой ноги, она отдаст тебе все, что у нее есть, и то, чего нет. Стань для нее тем, кого она хочет. Нащупай ее слабости, ее мечты, и ты станешь ее персональным Богом».

И я трахал. Трахал все, что мог и хотел трахнуть. Я мог получить любую женщину. Стоило только захотеть. От невинной девственницы до искушенной замужней синьоры. От монашки до шлюхи. Кровь кипела во мне. В начале они клевали на внешность, потом на соблазн, а потом на мой большой толстый член, которым я мог выбивать из них крики адского наслаждения. Когда Санта его впервые увидела, ее глаза округлились, и она громко помолилась, а потом... потом я драл ее со всей мочи. Эдак раз пять за ночь. Надин ругалась, что после меня она не сможет обслуживать клиентов.

Не знаю, кем был мой папаша, но мне явно от него досталось немало бонусов. Женщины клевали на мой умелый язык, на мои наглые пальцы... на все, что попадалось мне в руки и что я мог использовать, чтобы доставить им удовольствие. Или доставить его только себе, оставив сучку истекать соками, пульсировать в жажде кончить, но не дать ей этого.

«Трахнуть можно чем угодно, Аль... отпусти фантазию. Член — это самое последнее, чем ты можешь удовлетворить женщину. Скорее себя. Пусть в твоих руках сексом станет что угодно. Перышко от подушки, зубочистка, спичка,

ожерелье, кольцо, клубника, банан и сливки, вода... свеча».

Мои фантазии и изобретательность уносились куда дальше.

На каком-то этапе Надин предложила мне зарабатывать телом. Я отказался. Стать проституткой не входило в мои планы... я был пресыщен сексом и женщинами. Зато я хорошо помнил, как обчищать карманы и взламывать дома и квартиры.

Заработать побольше бабла и свалить отсюда подальше.

А еще со мной был Начо. Умный, изобретательный и совершенно отбитый тип. Мы срослись, как сиамские близнецы. Все делили пополам. На дело шли вместе. Прикрывали спины и задницы друг друга. Начо мог завести любую машину, взломать любой замок, придумать, как выкрутиться из самой дерьмовой ситуации, а я придумывал, как в нее попасть и где найти побольше денег.

Клану Лоретти мы перешли дорогу случайно. Ограбили ювелирный магазин за день до того, как это собирались сделать они. Нас поймали. Мне сломали нос, Начо пару ребер. Потом нас позвал к себе Лоретти, высокий худой тип с вьющимися черными волосами и крючковатым но-

сом, и мы стали работать на него. Мне дали кличку Архангел. Я добывал информацию. Разводил богатых тупых куриц, а потом мы грабили их мужей, любовников, отцов и братьев.

Я хотел уйти из клана. Начо все устраивало, но он ушел бы вместе со мной. Тогда мы задумали кинуть Лоретти. Увести у него из-под носа бриллианты Боккаччо. Я умело развел сорокалетнюю жену владельца коллекции алмазов. И пока она смачно сосала мой член, Начо опустошал хранилище, которое я открыл для него, выведав у своей любовницы всю информацию. Мы обставили Лоретти и смылись.

Но не далеко. Недотраханная жертва успела вызвать копов. Бриллианты мы спрятали в водосточной трубе. Сбирро¹ взяли нас почти с личным. Тогда это было для нас спасением. Потому что Лоретти оторвал бы нам яйца. Впрочем, в тюрьме нас ожидало бы то же самое. У Лоретти были связи везде.

И тогда нам повезло. Наверное, я слишком хорошо молился, а Начо пел свои псалмы. Мы ехали

¹ Сбирро (*итал. sbirro*) на итальянском жаргоне означает полицейский.

в тюремном фургоне после суда... в место заключения. В самую страшную тюрьму на Сицилии. Нас приговорили к десяти годам. Мы оба знали, что там нас ждет смерть. Лоретти захочет знать, где бриллианты, и даже если мы ему их отдадим, нас прикончат. Таковы законы мафии. А мы — предатели.

Впереди, за решеткой, отделявшей нас от водителя, сидел чернокожий надзиратель с автоматом в руках, а за рулем — сам водила. Он пел какую-то бесячую песню, и мне хотелось оторвать ему язык и засунуть в задницу, чтоб заткнулся. Начо молчал. А я смотрел на дорогу и думал о том, как нас порвут на хрен в этой проклятой тюрьме в первые же дни.

Столкновение произошло внезапно. Очень сильное. Скрежет метала, визг тормозов. Фургон перевернулся и полетел куда-то в кювет. У меня перед глазами пронеслась вся жизнь. От боли потемнело в глазах до полной черноты.

В себя прихожу быстро. Не так, как пишут в книгах и показывают в кино. Резко открываю глаза. Воняет бензином, и это пиздец как паршиво. Оглядываюсь по сторонам. Начо нигде нет, наверное, вылетел через окно. У водилы из спины торчит кусок лобового стекла, а кон-

воир наткнулся подбородком на дуло автомата, и оно вышло у него через темя, и на самом кончике висят ошметки мозгов. В его открытых глазах застыло явное недоумение. На полу валяются ключи от наручников. Падаю с грохотом на пол, волоку свою тушу к этим самым ключам. Тело болит так, будто у меня сломаны все кости. Ребра, скорей всего, таки сломаны. Ползу как можно быстрее. Потому что мне кажется: сейчас этот фургон разорвет на части. Что-то подозрительно потрескивает. Рядом горит еще одна машина. Надо выбираться, иначе скоро приедут сбирро. Я доползаю до ключей, с горем пополам расстегиваю наручники. Вылезаю из фургона, рядом пылает еще один автомобиль, и на обочине дороги лежит человек в рясе, его глаза широко открыты, он смотрит в небо, из пробитого виска сочится кровь. Рядом с ним небольшой портфель. На вид священнику лет сорок.

Решение приходит мгновенно. Вдалеке слышится рев машин, полицейских и скорых. Я быстро переодеваюсь сам, переодеваю падре, тащу его тело к фургону и едва успеваю вбросить его туда, как фургон взрывается и меня взрывной волной отшвыривает обратно в темноту.